

*Ковалева Е. К.,**доцент кафедри романської філології**Дніпропетровського національного університету імені Олеся Гончара*

ОБ ОДНОМ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОМ ФРАГМЕНТЕ Ж.-Ж. РУССО

Аннотация. В статье рассматривается «Автобиографический фрагмент» Ж.-Ж. Руссо как предыстория «Исповеди». Выявляются способы художественной саморепрезентации, прослеживается их развитие и трансформация в «Исповеди».

Ключевые слова: автобиография, автобиографизм, автобиографический фрагмент.

Постановка проблемы. Значимость фигуры Ж.-Ж. Руссо для европейской культурной парадигмы мало нуждается в специальном подтверждении. Его публицистические трактаты вошли в историю философской мысли, роман «Эмиль, или о воспитании» составил историю развития педагогической науки, роман «Юлия, или Новая Элоиза» признан классическим образцом сентиментализма, наконец, его музыкальные произведения и работы о музыке стали частью истории данного вида искусства.

Не ослабевает интерес европейских исследователей к личности Руссо и в XXI веке. Об этом свидетельствует значительное количество литературоведческих работ, ежегодно публикуемых на французском¹, английском, немецком, итальянском и даже китайском языках. Его творчеству регулярно посвящаются тематические конференции, коллоквиумы и семинары. К 300-летию со дня рождения писателя, к 28 июня 2012 года, был приурочен выпуск издательством “Slatkine” полного академического собрания сочинений Руссо в 24 томах. По утверждению составителей Р. Труссона (R. Trousson) и Ф.-С. Эйгельдингера (F.-S. Eigeldinger), издание содержит новейшие представления современной критики о разнообразном творчестве Ж.-Ж. Руссо.

Украино- и русскоязычные специалисты сосредоточены в основном на философских, педагогических воззрениях Ж.-Ж. Руссо, невелик круг работ, затрагивающих его литературную деятельность [8; 11], и лишь немногие специально посвящены автобиографической прозе писателя. К исследованиям последних лет принадлежат статьи И.В. Лукьянец [5; 6; 7], монография известного историка культуры Л.М. Баткина [1], в которой удачно сочетаются «филологический, историко-культурный, философский анализ» [3]. Более пристальное внимание к автобиографическим произведениям Ж.-Ж. Руссо помогло бы восполнить существующий пробел, присоединиться к развитию актуальных тенденций европейской науки о литературе.

К автобиографической прозе Руссо относят «Исповедь» (1765–1770), «Диалоги: Руссо судит Жан-Жака» (1774–1776), «Прогулки одинокого мечтателя» (1776–1778). «Исповедь» занимает в этом ряду особое место, так как она наиболее ярко проявила литературный талант писателя. В ней своеобразно реализован сплав достижений рококо, сентиментализма, Просвещения, сенсуализма, намечены некоторые аспекты будущей романтической эстетики, предложены задачи для психологии

реализма. С точки зрения поэтики «Исповедь» рассматривается как произведение, заложившее основы жанра художественной автобиографии, и до сих пор считается одним из лучших ее классических образцов.

Появление произведения столь высокого уровня имеет свою предысторию, изучение которой позволило бы проследить пути развития и трансформации творческого замысла писателя. Авторитетные руссоведы М. Раймон (M. Raymond) и Б. Ганебен (B. Gagnebin) выделяют несколько автобиографических текстов и набросков, которые предшествуют созданию «Исповеди». Это небольшой шутивно-юмористический текст «Насмешник» (Persifleur), предназначенный для чтения в узком кругу друзей. Серия коротких отрывков, озаглавленных «Мой портрет» (Mon portrait), знаменитые четыре письма Руссо к господину Мальзербу и несколько набросков к самой «Исповеди». В первом томе академического издания полного собрания сочинений Ж.-Ж. Руссо (библиотека Плектра, 1959 год) все эти тексты помещены под общим заголовком «Автобиографические фрагменты» (Fragments autobiographiques). Среди них есть один незавершенный фрагмент, не озаглавленный самим Ж.-Ж. Руссо, но для исследователя представляющий интерес. М. Раймон и Б. Ганебен обозначили его как «Биографический фрагмент» (Fragment biographique). Не оспаривая мнение серьезных специалистов, возьмем на себя смелость предложить название «Автобиографический фрагмент», помня при этом, что всякие заголовки, данные без участия самого автора, условны.

Хронологически это первый автобиографический текст Руссо (не считая «Насмешника»), в котором предпринимается попытка самоосмысления. Ретроспективная форма повествования от первого лица, эпизоды реальной жизни и собственное «я» как объект изображения позволяют отнести фрагмент именно к разряду автобиографических.

Исследование «Автобиографического фрагмента» поможет прояснить генезис «Исповеди». Насколько известно, данный аспект не становился предметом специального изучения литературоведов. Задача статьи – выявить основные темы «Автобиографического фрагмента» и проследить специфику их реализации в «Исповеди».

Изложение основного материала исследования. Впервые «автобиографический фрагмент» был опубликован в 1861 году Стрекайзеном-Мульту, потомком прижизненного издателя Ж.-Ж. Руссо Поля Мульту. Фрагмент представляет собой семь разноразмерных (от нескольких строк до двух страниц) текстов. По свидетельству М. Раймона и Б. Ганебена, рукопись содержит правки, дополнения, зачеркивания, то есть носит следы редактирования [13, с. 1837]. Создание рукописи датируется зимой 1755–1756 годов, после выхода в свет «Рассуждения о науках и искусствах» (1750), «Рассуждения о причинах происхождения неравенства между людьми» (1754), оперы «Деревенский колдун» (1752), «Письма о французской музы-

¹ Например, сборники статей “Rousseau Studies”, “Annales J.-J. Rousseau”.

ке» (1752, опубл. в 1753). Позже, в начале весны 1756 года, Ж.-Ж. Руссо покинет Париж, поселится в Эрмитаже, что станет началом непонимания, недоразумений, размолвок и, наконец, ссор с коллегами и друзьями. А пока он рассуждает об искусстве музыки, участвует в дискуссиях о своих литературных и музыкальных произведениях, задумывается о трудностях самопознания.

В «Автобиографическом фрагменте» Ж.-Ж. Руссо затрагивает важную для него тему лицемерия современного ему парижского общества. В обличительном ключе он показывает стремление людей казаться лучше, чем на самом деле. Обличительный пафос для Ж.-Ж. Руссо не нов и берет начало в «Рассуждении о науках и искусствах». В противовес «естественному состоянию», при котором не нужно притворяться, в современном обществе, по Ж.-Ж. Руссо, человеку становится выгодным «казаться», а не «быть». После того, как из отдельных индивидов образовалось общество с его условностями, правилами и предрассудками, у человека возникла необходимость прибавить себе значительности в глазах окружающих. Люди стремятся скрыть свои пороки, прикрывая их мнимыми достоинствами. «Нет больше ни искренней дружбы, ни настоящего уважения, ни обоснованного доверия. Подозрения, недоверие, страхи, холодность, сдержанность, ненависть постоянно скрываются под этим неизменным и коварным обликом вежливости, под этою столь хваленою благовоспитанностью, которой мы обязаны просвещенности нашего века» [10, с. 13].

В «Автобиографическом фрагменте» проблему «быть и казаться» Ж.-Ж. Руссо рассматривает в иной плоскости. Он сужает рамки своего анализа. Его внимание сосредоточено на той части общества, которую относят к специалистам в области философии, литературы, музыки. Ж.-Ж. Руссо пристально изучает своих «коллег» и при этом ставит их в отношения спора с пишущим «я», писатель настроен критически по отношению к ним, его критика в достаточной мере обвинительна, но в ней еще нет уничтожающего презрения, звучащего в «Исповеди». Пока Ж.-Ж. Руссо стилистически нейтрально называет участников спора с ним «adversaires» – оппоненты. «Эти праздные люди, которыми наводнен Париж, которые от безделья становятся судьями прекрасного, которое никогда не чувствовали, проводят жизнь, занимаясь музыкой, которую не любят, живописью, в которой не разбираются, и принимают за хороший вкус ... тщеславие быть восхваленными льстецами и блистать в глазах глупцов» [13, с. 1117]². Иногда философ снисходителен, как мудрец, знакомый с некой непреложной истиной, и с высоты своего знания взвешивает на пустую суету мелких тщеславий. «Я был осыпан опровержениями, не будучи опровергнутым, ибо правда неопровержима. Трудно постичь легкомыслие, с которым толпа авторов берет за перо и на тысячи лавов обсуждает три или четыре избитых истины» [13, с. 1114].

В «Исповеди» проблема «быть и казаться» поставлена более остро, и эта острота связана с личной пристрастностью автора. В книге восьмой часть повествования отведена обсуждению публикой сочинений Ж.-Ж. Руссо. Это уже не дискуссия (*la dispute*), как в «Автобиографическом фрагменте» (хотя в нем присутствует и слово «ссора» (*la querelle*), это более высокий уровень накала – полемика (*la polémique*). Критика уступает место презрению, стремлению посрамить своих оппонентов, при любых обстоятельствах взять верх, выйти победителем в

противостоянии. Для этого Ж.-Ж. Руссо использует высокую эмоциональную окрашенность высказываний. «Я попираю бессмысленные суждения пошлой черни, так называемых знатных особ и так называемых мудрецов» [9, с. 315].

В «Автобиографическом фрагменте» изображен именно спор, в котором каждый из многих участников отстаивает свою точку зрения, применяя собственные знания, ум, талант. Оппоненты пишущего «я» представлены как разобщенные, не связанные между собой люди. Многие из них хотели просто привлечь к себе внимание участием в споре с известным человеком, от чего профессиональный уровень дискуссии видится Ж.-Ж. Руссо весьма низким. «В их сочинениях нет ни доводов, ни рассуждений, считая, что объединились против меня, они только уничтожали друг друга, доказательства одного служили мне возражением для другого, и мне достаточно было противопоставить их друг другу, чтобы победить» [13, с. 1114].

Однако среди оппонентов, по мнению Ж.-Ж. Руссо, часто критикующих его личность, но не его сочинения, выделено одно исключение. Имя этого человека Руссо прямо не называет, но М. Раймон и Б. Ганебен установили, что речь идет о Шарле Борде. Ж.-Ж. Руссо отзываясь о нем уважительно, как о достойном противнике, человеке высокого ума, который писал «не против меня, но против моих суждений» [13, с. 1114].

В «Исповеди» спор возводится на уровень конфликта и становится одной из ключевых тем. Четко разграничиваются стороны «я» – другие, личность – общество. Причем на стороне враждебно настроенного общества Ж.-Ж. Руссо видит тех, кого считал друзьями, в том числе и Шарля Борда. Основной задачей становится защита своей правоты, своих взглядов, наконец, своего достоинства. Это предопределяет бескомпромиссный характер некоторых высказываний. «Я был окружен людьми, которые называли себя моими друзьями и пользовались правами друзей только для того, чтобы привести меня к гибели» [9, с. 315–316]. В данном конфликте общество, другие изображены как скоординированная группа людей, продуманно и организовано, единым фронтом выступающая против автобиографического «я». Их действия определены как «заговор» (*le complot*) с целью уничтожения доброго имени и репутации Ж.-Ж. Руссо. Писатель расценивает поведение друзей как предательство, что, заметим, не всегда соответствовало действительности. В этом кроется причина многообразия эмоций, окрашивающих повествование: разочарования, обиды, гнев, самозащита, обвинения, самооправдания. Углубляясь в перипетию конфликта, Ж.-Ж. Руссо сознательно выстраивает оппозицию «я один против враждебного мира», что, как известно, будет подхвачено и по-своему интерпретировано представителями раннего французского романтизма – Ж. де Сталь, Ф.-Р. де Шатобрианом, А. де Мюссе.

В «Автобиографическом фрагменте» контуры конфликта «я» – другие лишь обозначены, в «Исповеди» четко очерчены, в «Прогулках одинокого мечтателя» Ж.-Ж. Руссо предлагает способ его снятия. Разрешить конфликтную ситуацию он пытается путем самоизоляции, добровольного и сознательного удаления «я» от общества. Творческая рефлексия сосредоточена на автобиографическом «я», на событиях дня сегодняшнего. Но тема заговора, конфликта, предательства настолько сложна и болезненна, что исчерпать ее не удастся. Иногда Ж.-Ж. Руссо не удерживается в избранных рамках, снова с горечью возвращается к пережитому и прочувствованному.

Среди оппонентов пишущего «я» в «Автобиографическом

² Здесь и далее перевод текста «Автобиографического фрагмента» наш – Е. К.

фрагменте» особое место отведено польскому королю Станиславу. Не отказывая ему в личном уважении, Ж.-Ж. Руссо выстраивает оппозицию король – свободный человек (*homme libre*). Тем самым он утверждает право отстаивать свои взгляды перед сильными мира сего. «Великий принц соблаговолил критиковать меня как философа; я осмелюсь ответить как свободный человек» [13, с. 1113–1114]. Ж.-Ж. Руссо видит себя носителем и выразителем некоей истины, перед которой все равны – от «праздного человека» до монарха. Однако эта мысль остается недосказанной, писатель лишь дает читателю возможность угадать ее. И тут же оговаривается, что достойный поступок возразить самому королю сопряжен для него с малым риском, намекая таким образом, что его смелость не повлекла за собой негативных последствий. Ж.-Ж. Руссо осознает, что выглядит храбрецом перед отсутствием реальной опасности. «Что стоит сказать королям правду, если им так мало стоит ее услышать» [13, с. 1114], – самоиронично заключает он.

В «Исповеди» эпизод дискуссии с королем Станиславом художественно завершен. Вновь подчеркивая свое уважение к личности, а не к сану монарха, Ж.-Ж. Руссо четко формулирует свою идею – «показать публике, как частное лицо может выступить в защиту истины даже против коронованной особы» [9, с. 318]. Но Ж.-Ж. Руссо идет еще дальше. Он развивает свой тезис и придает ему статус одного из ключевых в автобиографизме. Оппозиция «я» – другие сознательно проводится по социальному признаку. Место «свободного человека» занимает выходец из третьего сословия, плебей, защищающий право на высказывание своего мнения стоящим на высшей ступени социальной лестницы – верховным правителям. Ж.-Ж. Руссо отстаивает право не только на собственные философские взгляды, но и на личностное достоинство, право говорить публично о своем «я». Наиболее резко он говорит об этом в Невшатальском предисловии к «Исповеди»: «Как бы скромна и безвестна ни была моя жизнь, если я думал больше и лучше, чем короли, – история моей души более интересна, чем история их душ» [9, с. 669].

В «Автобиографическом фрагменте» Ж.-Ж. Руссо формулирует мысль, которая стала магистральной для всей его автобиографической прозы. Он говорит о трудности самопознания, о сложности установить изначальные психологические причины поступков человека и, в частности, своих собственных. «Я знаю, как трудно уберечься от заблуждений сердца и не обманываться на свой счет о мотивах, которые нами движут» [13, с. 1117]. Для решения задачи самопознания в «Исповеди» Ж.-Ж. Руссо использует метод психологического самоанализа, и столь успешно его применяет, что «Исповедь» в этом смысле опережает свое время. Как пишет Л. Гинзбург, по сравнению с «Исповедью», «психологические представления не только сентиментализма, но и романтизма кажутся наивными. Даже реалистический роман далеко не сразу мог дотянуться до задач, предлагаемых «Исповедью» [2, с. 201].

В «Автобиографическом фрагменте» с констатацией сложности самопознания соседствует неявная адресация создаваемого текста. «Я просто даю отчет в том, что, как мне кажется, я чувствовал, не утверждая, что тщеславие меня не обманывало» [13, с. 1117], – пишет Ж.-Ж. Руссо. Остается неизвестным, предполагалась ли самоадресация, адресация близким людям или же широкой публике. Можно отметить лишь факт некоей попытки самоосмысления и художественного самоизображе-

ния. Попытки, которая будет повторена в «Моем портрете» и в письмах к Мальзербу и получит художественную реализацию в автобиографической прозе писателя.

Выводы. «Автобиографический фрагмент» отделен от «Исповеди» периодом в десять лет. За это время Ж.-Ж. Руссо написал «Юлию» (1756–1758), «Общественный договор» (1761), «Эмиля» (1761). За свои идеи он подвергся гонениям со стороны властей Франции и Швейцарии. Ухудшилось состояние его здоровья, что породило мысли о скорой смерти. Ситуация усугубилась размолвками с друзьями, которые Ж.-Ж. Руссо воспринял, возможно, излишне эмоционально и оценил как предательство. Перипетии реальной жизни не в последнюю очередь повлияли на художественную трактовку отношений автобиографического «я» с окружающим миром. В «Автобиографическом фрагменте» еще нет темы пронзительного одиночества, самообъяснения, самооправдания, автопсихологизма, нет и не могло быть интимно-исповедальной интонации. Нет многого другого, что составило многочисленные художественные достоинства «Исповеди». Ценность «Автобиографического фрагмента» в другом. Через призму своих философских воззрений Ж.-Ж. Руссо пытается определить место своего «я» в мире, ставит вопрос о характере отношений автобиографического «я» с другими, определяет позицию «я» в споре с вышестоящими, размышляет о природе художественного автобиографизма. Это реализовано через темы разоблачения современного ему общества, отношений личности с таким обществом, сложности самопознания. Таким образом, «Автобиографический фрагмент» предстает как составная часть сложного и многообразного комплекса, называемого «художественный автобиографизм Ж.-Ж. Руссо».

До своего финального оформления в «Исповеди» упомянутые темы получают осмысление в иных автобиографических отрывках и набросках Ж.-Ж. Руссо. Сопоставительный анализ «Моего портрета», писем к Мальзербу, набросков к «Исповеди» с самой «Исповедью» может стать плодотворным для более глубокого постижения этапов развития художественной автоинтерпретации Ж.-Ж. Руссо.

Литература:

1. Баткин Л.М. Личность и страсти Жан-Жака Руссо / Л.М. Баткин. – М. : РГГУ, 2012. – 261 с.
2. Гинзбург Л. О психологической прозе / Л. Гинзбург. – Л. : Художественная литература, 1977. – 441 с.
3. Дмитриева Е.Л. М. Баткин. Личность и страсти Жан-Жака Руссо / Е.Л. Дмитриева // Вопросы литературы. – 2014. – № 3. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/voplit/2014/3/23d.html>.
4. Лукьянец И.В. Ж.Ж. Руссо и Ф. Петрарка / И.В. Лукьянец [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.natapa.msk.ru/biblio/sborniki/lukjanets.htm>; см. также: <http://lit-prosv.niv.ru/lit-prosv/articles-fra/lukyanec-russo-i-petrarka.htm>.
5. Лукьянец И.В. «Мечтатель» в творчестве Руссо и Дидро / И.В. Лукьянец // Другой XVIII век : сборник научных работ. – М. : Эконинформ, 2002. – 284 с.
6. Лукьянец И.В. «Сцена и кулисы» в автобиографической прозе Руссо / И.В. Лукьянец // XVIII век: театр и кулисы. – М. : МГУ, 2006. – 271 с.
7. Лукьянец И.В. Эволюция структуры воспоминания в автобиографической трилогии Ж.-Ж. Руссо / И.В. Лукьянец // Художественный текст: Структура и поэтика : межвузовский сборник / под ред. И.П. Куприяновой. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2005. – 294 с.

8. Михайлин В. Автопортрет Алисы в Зазеркалье / В. Михайлин // НЛО. – 2002. – № 56. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/nlo/2002/56/mih.html>.
9. Руссо Ж.-Ж. Исповедь / Ж.-Ж. Руссо // Руссо Ж.-Ж. Избран. соч. : в 3 т. / Ж.-Ж. Руссо. – М. : Государственное издательство художественной литературы, 1961. – Т. 3. – 1961. – 727 с.
10. Руссо Ж.-Ж. Рассуждение о науках и искусствах / Ж.-Ж. Руссо // Руссо Ж.-Ж. Трактаты / Ж.-Ж. Руссо. – М. : Наука, 1969. – С. 9–30.
11. Строев А. Писатель: мнимый больной или лекарь поневоле? / А. Строев // НЛО. – 2004. – № 69. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/69/st6.html>.
12. Raymond M. Notes et variantes. Fragments autobiographiques et documents biographiques / M. Raymond, B. Gagnebin // Rousseau J.-J. Oeuvres complètes. Les Confessions. Autres textes autobiographiques. – P. : Gallimard, 1959. – P. 1833–1880.
13. Rousseau J.-J. Oeuvres complètes. Les Confessions. Autres textes autobiographiques / J.-J. Rousseau. – P. : Gallimard, 1959. – 1969 P.

Ковальова О. К. Щодо одного автобіографічного фрагменту Ж.-Ж. Руссо

Анотація. У статті розглядається «Автобіографічний фрагмент» Ж.-Ж. Руссо як передісторія «Сповіді». Виявляються засоби художньої саморепрезентації, простежується їх розвиток і трансформація у «Сповіді».

Ключові слова: автобіографічний, автобіографізм, автобіографічний фрагмент.

Kovaliova E. About an autobiographical fragment of J.-J. Rousseau

Summary. The article studies “Autobiographical fragment” by J.-J. Rousseau as a kind of prehistory to “Confessions”. The methods of artistic self picturing are revealed as well as their path and further development and transformation in “Confessions”.

Key words: autobiographical fragment, autobiography, autobiographism.